

Он — один из последних, кого выдворили из СССР. Уже в середине восьмидесятых. Сейчас Губерман приезжает в Москву на гастроли. Собирает полные залы — как это было 18 ноября в Театре эстрады и, не сомневаемся, будет еще не раз

Вы 11 лет живете в Израиле. Как вы уехали?

— Я все время откладывал отъезд. Но позвонили из ОВИРа, вызвали и сказали: «Министерство внутренних дел приняло решение о вашем выезде».

— Сейчас в Москве, когда вы ездите на метро, люди вас узнают?

— Узнают, и это очень приятно. Меня и узнают приятные люди. А на поразительных людей везет моей теще Лидии Борисовне Либединской. Ей они все время попадаются. В подземном переходе метро «Третьяковская» сидела старушка-нищенка, около нее — большая консервная банка, и все кидали туда монетки. Теща моя, человек немолодой, остановилась рядом, открыла сумочку. Старушка на нее посмотрела, закрыла банку ладонью и холодно произнесла: «Пенсионеров не обслуживаем».

— Как вы видите современный литературный процесс в России издавна?

— Я читаю пять-шесть толстых журналов, и мне кажется, литература цветет. Читаю «Дружбу народов», «Новый мир», перелистываю «Октябрь», просматриваю «Неву», читаю с наслаждением изумительный журнал «НЛО» — «Новое литературное обозрение», просто прекрасный. Есть замечательные писатели и поэты. Очень много новых имен, и все по-другому. Из поэтов нравятся Тимур Кибиров, Игорь Иртеньев, очень хорошие стихи пишет Татьяна Бек, замечательные «Разговоры с богом» Геннадия Русакова, раз в полгода он печатается в «Знамени». Прочитал недавно дивную повесть Слаповского. Не буду называть еще имена, другие обидятся.

У меня к литературе единственный критерий — интересность. Мне интересно и хорошо от «Чапаева и Пустоты» Пелевина. Последний его роман — «Generation «П» очень не понравился. Сорокин — такая мерзота, пожалуйста, забудьте о нем в разговоре со мной. Есть люди, которые в переходные эпохи снимают одновременно тонкие пенки и сливки и гавна. (авторский неологизм. — Ред.) Недавно наткнулся на дику, но в то же время прекрасную прозу о какой-то запойной старой шлюхе, где полностью описывается день ее жизни. Я испытываю сострадание к таким людям.

— Общаетесь ли вы с русской литературной эмиграцией в Израиле?

— Общаюсь, и обширно. Люблю Дину Рубину, мы очень дружим. Она — дико талантливый человек. В «Знамени» в следующем году выйдет ее повесть «Высокая вода венецианцев».

Из ответов на записки:
В Германии из зала в 200 — 300 человек регулярно получают пять-шесть записок одинакового содержания: «Как вы, израильтянин, относитесь к нам, живущим в Германии?» Я никак не отношусь. Если человек может там жить, не помнит, как и что там произошло, то пусть живет на здоровье. Человек дол-

Фото Ксения БОНДАРЕВА

жен жить там, где он хочет. Иначе он вреден окружающей среде. Но все-таки что-то неумовное, какая-то амнезия, вытеснение сознания у живущих там происходит.

У меня у друзей в Берлине гостила немолодая женщина, гуманитарий, кстати. Погостила неделю, уезжает, говорит: «Ребята, мне у вас в Берлине не понравилось, шумно, душно, много людей, много машин, пыльно. Вот я живу в тихом, уютном, тенистом, чистеньком городке на окраине Мюнхена, Дахау называется. Может быть, слышали?»

А один хороший музыкант прислал как-то своему другу письмо, дышащее неизбывным партизанским духом: «Старик, у меня все хорошо, есть квартира... Но очень тяжело по утрам: открываешь окно и понимаешь — в городе немцы...»

— Русскоязычная пресса в Израиле удивительно слабая и провинциальная. С чем это связано, ведь работают в израильских газетах люди, которые занимались журналистикой в Советском Союзе, в России, и здесь у них получалось это лучше, острее, интереснее?

— Наша пресса — полное гавно! Но вы в свои издания загляните, в российские! Наши я и читаю редко, такое тошнотворное ощущение! Там какая-то загадочная ситуация. И язык плохой, и пишут мутно. Еще несколько лет назад я объяснил бы это тем, что все ячейки заняли работники комсомольско-партийных газет из Кишинева, Алма-Аты, Черновцов, Одессы, Киева. Сейчас приехало полным-полно хороших журналистов, но все равно ничего добротного не наблюдается. Гавно!

— У вас да еще, пожалуй, у Юза Алешковского ненормативная лексика становится целомудренной, не лишаясь смысла. Есть ли у вас талантливые ученики?

— То и дело встречаю сейчас ненормативную лексику в лите-

лось немыслимое количество людей, которые пишут четверостишия — свои «колики», «юрики» и «макарики». Вышла даже книжка одной бабы, называется «Ирики». Но ничего интересного из этого я пока не читал, не слышал.

— Как «дацзыбао» стали «гариками»?

— Дацзыбао — китайское слово, переводится оно как «лозунги больших букв». Во время китайской культурной революции на стенах вешались лозунги. А я, перейдя на малый

мизанте. В России, как ни странно, приходит много молодежи, сейчас вышло несколько книжек, и их читают, по счастью.

— Значит, это связано с развитием издательской деятельности?

— Отчасти это связано с качеством стихов, но в основном, конечно, с развитием издательской деятельности.

Вообще очень разные бывают записки на концертах. Вот как бы вы ответили на такую записку: «Не вас ли мы видели в Лувре в 1994 году?» Очень горжусь, что сразу ответил: «Меня. Все свободное время я стою там в виде мраморной девушки без рук». Больше не спрашивали.

— Собираясь на интервью, заглянула в Интернет, открылся сайт «губермановедение» с подборкой статей. В некоторых были повторяющиеся выводы: «любимые темы — секс и еврейство». Вы согласны?

— Одна девушка написала мне записку: «Игорь Миронович! Зачем вы пишете все время про евреев? Есть и другие, не менее несчастные». Нет, я не согласен. Я написал ничуть не меньше стихов о любви, Родине, старости, пьянстве и человеческих взаимоотношениях. На выбор читателей я не могу влиять. Но юмор наш необыкновенный. На супермаркете в Тель-Авиве, из тех, где есть все, от шнурков до автомобиля, висит объявление: «У нас вы найдете все, что вам необходимо, от крохотка до веревки». А еще одна девчонка прислала как-то такую записку: «Игорь Миронович, я не еврейка, а мне смешно. Это нормально?»

Из ответов на записки:

— Как вы относитесь к антисемитским высказываниям генерала Макашова?

— Очень спокойно и естественно. Один знаковый доктор мне как-то рассказал, что глисты перед гибелью заноют.

— Как ваша жена относится к тому, что вы публично, в стихотворной форме признаетесь в любви не только к ней?

— Моя жена — филолог и отличает лирического героя и реальность. А реальность она ощущает на себе.

— Некоторые тексты и экспромты, написанные давно и сказанные десятки, если не сотни, раз, вы произносите со сцены, не скучая и всякий раз искренне веселя публику...

— Что подлаещи! Большой артист.

Из ответов на записки:

— Как вы относитесь к похвалам?

— Спокойно. Хотя... Один мужик в лагере мне сказал однажды: «Не жалею, Миронович, что так долго в лагере чалился. Мне бы без тебя так х... сиделось». Вот это настоящая похвала.

— Откуда у вас такое чувство юмора?

— Я думаю, от моей бабушки, Любови Моисеевны, которая много лет изо дня в день, каждый день, несколько раз в день говорила мне: «Гаренька, каждое твоё слово — лишнее».

— Где будете встречать Новый год — в Израиле или России?

— Новый год — семейный праздник, буду дома. Весь мир с ума посходил, хочет встретить 2000 год на святой земле, уже сейчас проблемы с билетами. А я как раз там живу.

Если вы меня не спрашиваете про творческие планы, я сам скажу. Пишу сейчас книжку детских стихов. Что смешнее? Там есть приличные. Меня ведь только последняя четвертая строчка подводит. А еще вот-вот везде должен появиться календарь праздников, который мы придумали с художником Сашей Окунем. В нем 367 праздничных дней, потому что 30 февраля у нас день безоблачного супружества. Есть день лени, день реке-тира, день любовницы, день жулика. Я думаю, пять-шесть праздников из этого календаря приживутся в народе.

Игорь Губерман:

367 ПРАЗДНИЧНЫХ ДНЕЙ В ГОДУ

И по крайней мере один праздник — общение с их автором

ПОСЛЕЗАКАТНЫЕ ГАРИКИ

Проста моя пустая
и я не напрягаюсь,
а играю:
кипят во мне
случайные слова,
а мысли я к ним после
подбираю.

Крупного не жажду
ничего,
я земное мелкое
творение,
из явлений духа моего
мне всего милей
пищеварение.

Прекрасен мир, судьба
права,
полна блаженства
жизнь земная,
и все на свете
трын-трава,
когда проходит боль
зубная.

В одинокую дудочку дую,
слаб душою и выпить
не прочь,
ни от Бога подачек
не жду я,
ни Ему я не в силах
помочь.

К искушениям холодно
стойко,
не считая диету бедой,
между ежевечерних
попоек
обхожусь я водой
и едой.

Да, молодые соловьи,
мое бывшее — в сером
пепле,
зато все слабости мои
набрали силу и
окрепли.

Публикуются впервые

ратурных журналах, и очень рад этому. Мат — естественная и неотъемлемая составляющая русского языка. Во всех аргосленгах, насколько я могу судить, есть элементы мата. Используя невероятную пластичность русского языка, наше ухо с радостью ловит любую возможность неприлично истолковать понравившееся слово. В лагере у одного зека была фамилия Райзахер, а кличка — Меняла. Многие из нас искренне плохо относятся к неофициальной лексике из-за богатства воображения. Представляют сразу предмет или процесс и тихо конфузятся. Мы — искалеченное поколение, нам всю жизнь внушали: все, что ниже пояса, — позорно. Сегодня все естественно происходит.

А учеников у меня, слава Богу, нет. Правда, сейчас появи-

Ужасно хочется как-нибудь сделать первое отделение концерта из стихов графоманов. Я получаю их чудовищные рукописи, но в них попадаются такие четверостишия и двустиишия, которые никакому мастеру не снилось написать. Один екатеринбуржец написал огромную поэму, вместившую всю историю человечества от пещерного человека до двадцатого съезда партии. На уровне Киевской Руси гениальное четверостишие: «Но как бы тело ни болело, стрелу татарскую кляня, оно у князя было цело и даже село на коня».

— А как вы пришли к жанру четверостишия?

— По чистой лени. Мысли у меня куцые, неглубокие, умещаются как раз в четверостишие, дышалка короткая. Так что причины тому низменные, физиологические.

жанр, не знал, как назвать свои четверостишия, и то, что получалось, вешал на стенку над своей женой, лежавшей на сохранении. И друг мой назвал их — дацзыбао. А когда вышли два сборника стихов в Израиле «Еврейские дацзыбао», что полная чушь, я стал искать стихам другое название. И, подумав, что дома меня всегда звали Гариком, назвал стихи «гариками». Видимо, назвал удачно, если слово привилось.

Из ответов на записки:

— Вы много ездите по свету?

— Часто езжу для прокорма семьи, поэтому бываю в Америке — это моя экономическая родина, изредка езжу в Германию. Люблю экскурсии, когда что-нибудь рассказывают. Мне в память западают поверхностные вещи. Съездил в Англию, лучше, что привез, — фразу нашего гда. Он сказал: «Вниманию женщин! Следующий туалет находится только в доме, где родился Шекспир».

— Кто приходит сегодня на ваши выступления? Люди приблизительно вашего возраста, для которых читаемое — часть собственной биографии, или не только они? Я читаю ваши книги как качественную историческую литературу.

— Сразу хочу сказать: в войну 1812 года я не участвовал. В эмпатические времена меня тоже не было, на Шинке не воевал. Везде ко мне на вечера приходят люди сильно после сорока: это те, кто читал мои стихи в са-

АЗ И ВООК'И

ЧЕТЫРЕ КАПИТАНА

Роман Игоря Губермана «Штрихи к портрету» вместе с полным набором «Гариков на каждый день» вышел в Екатеринбургском издательстве «У-Фактория». Роман этот о том же, о чем всегда были «Гарики». О нашей близкой-далекой российской действительности двадцатого столетия, обметанной колючей проволокой, как губы — лихорадкой. Весь роман — сплошные разговоры: интеллигентные, с высоким уровнем общекультурной эрудиции и матерными вкраплениями, а двигатель разговоров — энергия темы «двух капитанов»: герой идет по следу своего предшественника, он — ученик, незнакомый своему учителю, но верный ему. Настоящий верный, что автор даже дал своим героям схожие по звучанию фамилии: Бруни и

Рубин. Они тоже «полярники», но несколько иные, чем у Каверина: их архипелаг — ГУЛАГ. А в послесловии к своему сочинению автор сделал признание — для тех читателей, кто мог ухитриться сам не понять: мол, герой мой Рубин — это очень даже я.

Но главное не в этом, а опять же в нашей действительности, которая «не делится на разум без остатка» и толкует нам истину о том, что «не маленькая пайка губит, а большая», но которая при всем при этом способна вселить в автора уверенность: «Я думаю, что будущее России будет прекрасным».

● Валерий ИВАНОВ

● Екатерина ВАСЕНИНА